

КТО ТАКИЕ БУСЕНЬКИ И КУЛЕШАТА?*

Аннотация. Статья содержит анализ двух названий злых духов — помощников колдуна, зафиксированных в пермских мифологических текстах. Прослеживаются мотивационные, семантические и этимологические связи данных единиц с другими, функционирующими в говорах Русского Севера и смежных территорий.

Ключевые слова: мифологические тексты Пермского края, демонологическая лексика, злые духи — помощники колдуна, существительные *бусеньки, кулешата*.

Источниками материала для статьи послужили диалектные словари, сборники мифологических рассказов соответствующих территорий (см. список источников) и данные готовящегося к печати «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами» (авторы-составители И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, Л. С. Нечаева).

Занимаясь на протяжении многих лет изучением функционирующей в мифологических текстах Пермского края и Русского Севера лексики, описывающей сферу колдовства, знахарства и бытовой магии, мы обратили внимание на большое количество единиц, называющих и/или характеризующих особую категорию нечистой силы — злых духов — помощников колдуна. Эта разновидность злых духов, с одной стороны, реализует связь колдунов с потусторонним миром — миром злых, враждебных человеку субстанций, с другой сто-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 12-34-01043а1.

роны, представляет собой метафорическое отчуждение от колдунов их сверхъестественной силы в виде разнообразных существ¹.

Будучи по природе своей демонами, они способны принимать различный облик: антропоморфный, зооморфный, полиморфный, предметный².

В настоящей статье речь пойдет о двух единицах данной группы, имеющих неясную внутреннюю форму, проявить которую возможно при обращении к большому объему мифологических текстов, то есть магиико-ритуальной традиции севернорусского региона, или диалектным и этимологическим словарям.

Первая единица, которую мы рассмотрим, — существительное **бусеньки**: *У нас в деревне живёт колдунья, так как до того, как она приехала, про неё наши говорили, что у неё есть бусеньки — черти. Про отца её то же самое говорили. Говорят, что колдун не умрёт, пока никому своё дело не передаст. Она его всё спрашивала: «Папа, папа, почему ты не умираешь?» И видишь, передал он ей свои знания. Пришла эта соседка как-то к нам, стоит она спиной ко мне, а потом обернулась. Глаза у неё выкачены, губы замерли — сразу видно: ведьма. После этого дед в доме чертей видел: сидят сплошь и рядом. Стёпка видел чертей. У чёрта есть копыта и лохматые ноги (Верх-Язьва Краснов.).*

Морфемный анализ довольно легко позволяет выделить в этой единице корень *-бус-* и суффикс *-еньк-*. Скорее всего, это название нечистой силы образовано от прилагательного *бусенький*. Прилагательные *бусый* и *бусенький*, распространенные в севернорусском, уральском и сибирском ареалах, по данным СРНГ, имеют следующие значения:

¹Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с. С. 162.

²О разнообразных обликах данных мифологических персонажей по пермским данным см.: Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып. 3(9). С. 18–25; Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып. 6 (12). С. 13–17.

Бусенький. 1. Серый, серенький. // Серый с голубоватым оттенком. 2. Неяркий, невзрачный. 3. Пасмурный, несолнечный.

2. Бусой и бусый. 1. Серый, пепельный, дымчатый. ◇О шерсти, масти животных. 2. Седой. 3. Белый в крапинку (о масти коров). 4. Покрытый плесенью. 5. Грязный. (СРНГ 3: 304–307).

Как видим, ведущей (она выделена первой в словарных статьях) выступает цветовая сема. Чтобы понять, почему именно корень с этим цветовым оттенком использован для номинации злых духов — помощников колдуна, надо обратиться к перечню тех образов, которые принимает этот вид нечистой силы.

В говорах и мифологических текстах Русского Севера и смежных регионов обнаруживается довольно большой набор единиц, называющих зооморфный облик этих персонажей. Наиболее часто такие воплощения духов описываются лексикой энтомологической, орнитологической и словами, которые обозначают так называемых гадов³ — крыс, мышей, лягушек, жаб, ящериц, змей и под. Цветовые характеристики бесов в облике насекомых, птиц и предметов (например, по пермским данным) чаще всего яркие и нетипичные для реальных представителей царств животного мира и артефактов: *А колдунья сама помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие **цыплятки** бегали. Там и **красные**, и **жёлтые**, и **зелёные** — всякие бегали* (Сол.). *Биси-то величиной с маленькую **птичку** с **цветастым оперением*** (Черд.). *«Ох, у нас на русле-то всякие птички: **зелёненьки**, **синеньки**, **красненьки**», — она рассказывала. Черти это были* (Краснов.). *Я детей колдунов спрашивала: «Что у вас дома есть?» — «Есть маленькие **птички всяких цветов: голубые, красненькие, зелёные.** В голбце в коробочке сидят»* (Черд.). *Да, черти **мухи всяких цветов*** (Краснов.). *Там у нас Наташа-то видела нечаянно чертей-то у Николы. **Мухи! Зелёные** какие-то, **всякие*** (Черд.). *Тут одна женщина умерла. У неё, видно, сноха туесок взяла в руки, открыла, а там **жуков разноцветных** — не сосчитать!* [А что это за жуки?] *Да черти-то и были* (Черд.). *А ещё у одного тракто-*

³Гура А. В. Животные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. С. 281.

риста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стёклышками, а **стёклышки** такие красивые, **разноцветные**. Не знают же, что это биси (Черд.). У нас когды-ко колдун домашников оставил, ну, как подомашничать. А эти домашники сказали: «Ну-ко, давайте поишим, есть-нет у их черти». И нашли в туеске. . . **угольки**, каких только цветов нету, шевелятся! (Черд.).

Что касается бесов — помощников колдуна в облике «гадов», то на них почти не распространяется эта закономерность. Одним из образов, устойчиво повторяющихся в мифологических текстах обозначенных регионов, выступают **мыши (мышки, мышата)**: [А какие они, эти биси?] А они **серые**, маленькие, как **мыши** (Арх.) (Дранникова: 141). С виду они всяко покажутся. У одной женщины они ночью возились и в ведре с помоями утонули. Она утром приходит, а они в ведре плавают, маленькие, как **мышата**, утонули (Новг.) (Черепанова: 89). У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туесок, старинный, берестяной. Я поглядела, а там черти-то сидят, рты разевают, как маленькие **мышата**, красные рты (Усол., Перм.). Колдуны бисей имеют. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к нему пришёл за чем-то и подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал тринадцать **мышек**, бесову дюжину (Сол., Перм.). Бисястые ки-ко люди были. В бане, говорят [учили], в баню уводят. Там собака огненная. Ей в хайло лезь, и с бисями будешь. Другие бисястые лечат. В коробнице, в пере их держали, бисей. У кого как птички, у кого-то **мышки** (Черд., Перм.). А ещё ведь черти-то в виде мышей бывают. Всяки **мыши** есть тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а **мыши-то** побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила (Усол., Перм.). У нас одна умерла, до войны ещё, Ориной звали, в соседях была. Она шибко была колдунья. Одна бабушка тут у нас была слепая, она видела, но плохо. Она и говорит: Орина-то умерла, а меня Анна-то созвала, сноха-то, с ей поспать, боится одна-то. Дак она говорит: я

всю ночь на западне спала. Токо шум стоит. **Мыши-то**, говорит, на её набежали, на покойную-то, да только всю ночь у неё на груди лежали **мыши-те**. Вот она колдунья была. . . это черти были, наверно. Черти были! Кошки-то бы не допустили мышей-то (Сол., Перм.). Или вот тут тётя Граша, тожо у неё черти. Надя отставалась у неё кормить скота, ну, в подвал ходила. Там эти **мыши** бегают. [Это тоже черти?] Ага, ну, они выходили (Черд., Перм.).

Нам представляется, что номинация **бусеньки** возникла в пермских говорах не случайно, ее появление обусловлено устойчивым представлением о «мышинном» облике злых духов — помощников колдуна. А для обозначения серого цвета в говорах Русского Севера и смежных территорий как раз часто используются прилагательные *бусый, бусенький*. (см. географические пометы в соответствующих статьях СРНГ).

Наличие ласкательного суффикса -еньк- тоже не является неожиданным. Дело в том, что отношение к «бесенятам» у носителей традиции неоднозначное. С одной стороны, они являются причиной многих болезней (прежде всего «порчи» и «икоты»), которые могут вызвать и летальный исход, если жертве «посажено на смерть». С другой стороны, тексты рассказов о колдунах свидетельствуют об обратном отношении людей к этим духам. «Теплое отношение к бесенятам в пермских быличках. . . создается с помощью образов детенышей животных, маленьких птичек или птенцов, вызывающих скорее умиление, чем брезгливость или отвращение, и уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Это были черти. Как зайцы, маленькие, пузатенькие, с ножками, с хвостиками*. (Половодо Сол.). *Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как воробушки есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М. Долды Черд.). *А она сама [колдунья] помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие цыплятки бежали, по всем бороздам бежали цыплятки* (Вильва Сол.). Недаром **цыпленок**, теплый, трогательный облик которого знаком каждому, — один из частотных обликов, который

принимают бесы»⁴.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются и в том случае, если злые духи имеют другой, не зооморфный облик: *Мужика, женщина одна рассказывала, учить на бесей стали. Привели его в двенадцать часов ночи в баню чёрную, по чёрному топят. Глянул, а там на полке собака рыжая, огромная такая собака сидит. Собака-то пасть расшеперила, он полез скрозь, из заду вылез, а там лебедь бела пасть расшеперила, он тожо полез. С бани-то выходит, а с им **парнишечка** маленькой: «Давай, дядя, хоть корову спортить». Он спортил, а тут ишо **парнишечка**, ну, такой жо. Оне оба стали работу просить (Гадья Черд.).*

К представленным выше можно добавить еще несколько единиц, зафиксированных в пермских мифологических материалах. Часто мелиоративные суффиксы используются в составе единиц, называющих духов, вселенных колдуном в человека. Судя по материалам, это уже другая ипостась представителей нечистой силы, выступающих помощниками колдуна⁵. Будучи внедренным в тело человека, такой дух может обнаруживать себя не только болезненными проявлениями жертвы, но и собственным поведением, в том числе и речевым. Во время приступов он может называть свое имя. Такие имена часто являются неполными или содержат суффиксы, прежде всего ласкательные, например: **Маша** (*Даже какими-то птичками они [черти] кажутся. А у нас у одной здесь в Рябинино ведь [чертенок] разговаривает. Да, **Машей** называет [себя]. Она начала ездить везде по бабкам, чтобы заглушили их... и они [черти]: «Машу нашу, — говорят, — крылышко оборвали». Значит, у одной, видимо, у чертёнка у одного, что-то повредило словками-то, к которым бабушкам она ходила (Рябинино Черд.)). **Егорка, Егорушко** (*Уж во мне сидит, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. И вот живёт сейчас во мне бес **Егорка**. Тридцать пять лет уж живёт. Живёт он в желудке, растёт постоянно (Пе-**

⁴Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском... Статья 1. С. 20.

⁵Более подробно см. об этом в: Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2. С. 13–17.

рино Караг.)). *Вот у нас женщина была порченная. А внутри у неё **Егорушко** сидел, шайтан. Он шибко деньги любил. Дашь ему копеечку, он будущее предскажет. Если кто что украдёт, тоже у икотки узнать можно. Она только скажет: «Вот я слетаю, съезжу туда, потом расскажу». И быстро всё узнавала (Крюково Ел.)). **Мишутка** (У дочери пальто пропало. Пошла я к икотке. Бисёнок у неё **Мишутка**. Она говорит: «Мишутка у меня теперь бестолковый». Сидела она, сидела полчаса, а потом вдруг и говорит: «Раньше нашла бы, а сейчас пальто уже продали и деньги издержали» (Крюково Ел.)).*

Интересный факт нестандартного отношения деревенских жителей к «вселяющимся» духам можно объяснить, на наш взгляд, следующим обстоятельством. Носителем такой болезни, судя по материалам, в подавляющем большинстве случаев выступает женщина. Локализуется «вселенный» дух внутри организма жертвы, чаще в области живота. Женщина оказывается как бы «беременна» этим «существом». Таким образом, народное сознание переносит отношения женщины со своего ребенка на «своего бесенка». Подтверждением нашей гипотезы является наличие тестов, в которых описывается акт «рождения порчи»: [Не слышали, какая она, эта икотка?] *У моей подружки мать **рожала**, а, гыт, как пирожник. Пирожники знаете? Из сочной. Токо мясо. Вся, гыт, в глазах. [Прямо родила ее?] Да, как ребёнка (Асюл Бард.). Одна долго болела женщина, блевала и родила кого-то. Кипятком залили и отправили её в Пермь. Наверное, **порчу родила** (Половодово Сол.). Тятя рассказывал. Женщина пошла в баню и **родила порчу**: кошачья голова, кругом глаза. Они её в туесок и в печь сунули. Так и сожгли (Касиб Сол.). У меня вот свекровь. Она маленькая ишо была, кто-то ей порчу посадил. Она **родила** эту **порчу**. Дак шибко корчилась. Она родила какой-то комок (Верх-Давыдовка Ос.). Сосед приходил, ему чего-то понадобилось. Ему отказали. Через какое-то время он встречается соседку и говорит ей: «Санька (а бабу Александрой звали), ты попомнишь у меня», и дотронулся у ей до плеча. С той поры баба стала хворать. Потом всё же нашли бабку. Она её в баню повела, давай парить. Парила, парила, и из бабы-то*

ребёночек вылезает, грязный, как ком (Покровское Нытв.).

Используются мелиоративные суффиксы в составе и других наименований «вселяющихся» духов (например вынуждающих свою жертву к пьянству): **питушка**, **непитушка** (А дочери-то моей посажен **непитушка**. Вот она пьёт. [Вы его видели?] Да. Как подвид он червяком. Там много колдунов было. Пировали да и посадили ей когой-то. Ей уже шестидесятый год. И всё надо ей пить. Просит: «Мама, подай, мама, подай» (Антуфьево Бард.). У её **питушко** посаженной, вот она и пьёт всё время, спилася (Антуфеево Бард.).

Лексема **бусеньки** в этом ряду, таким образом, не исключение.

Можно предложить еще один вариант мотивировки единицы **бусеньки**. Злые духи — помощники колдуна могут оборачиваться не только людьми и животными, они могут представлять в форме разных предметов. Одним из нескольких признаков, которые служат основой таких номинаций, выступает сема «маленький размер» (ср.: У меня дак две порчи было. Кто его знат, зачем они садят. Куда-то им чертей-то девать? У её же черти, эти как иванушки, **маленькие** (Вильва Сол.). У меня в голове черти сидят. Старушка одна посадила. Как выпьешь сто грамм, песни поют там всякие в голове. . . **Маленькие**-то в голове уснули, а она [порча] говорит: «Ой, маленькие мои, умурились» (Бахари Краснов.). А она может всякую порчу наделать, колдунья-то. У неё **мелкие** каки-то, черти ете. Оне ей покою не дают, колдунье-то. Они велят портить человека-то (Вильгорт Черд.)).

В материалах, зафиксированных в Пермском крае, есть интересная единица, в основе номинации которой лежит данный признак. Это существительное **пылинка**: Вот она [«пошибка»] вселяется, допустим, какой-нибудь **пылинкой** или мухой. Вот проглотишь невзначайно, в рот заскочит, вот тебе и пожалуйста, и вот тебе и пошибка (Северный Коммунар Сив.). Для обозначения пыли в русских говорах, в том числе и пермских, используется слово **бус** (СРНГ 3: 302; СГРС 1: 226; СПГ 1: 67; СРГСПК 1: 168). Бесы, выступающие помощникам колдуна и способные внедряться в тело жертвы, могли получить номинацию **бусеньки** от бус

‘пыль’. Но эта версия мотивировки слова *бусеньки*, на наш взгляд, менее очевидна, поскольку имеется всего одно употребление слова *пылинка* в значении ‘злой дух, вселяемый колдуном в человека и вызывающий у него «икоту» или другую болезнь’, в то время как зафиксировано множество примеров «мышиного» (бусого) облика духов — помощников колдуна.

Есть еще одно соображение относительно формы данной единицы. На наш взгляд, слово *бусеньки*, отмеченное пермскими собирателями, является результатом стяжения полной формы прилагательного *бусенькие*, которое стало осмысляться как существительное. Примеры субстантивированных прилагательных, которые могут называть данный вид нечистой силы, в наших материалах есть: это приведенные выше единицы *маленькие* и *мелкие*. Называя «существъ», которые представляют собой, как правило, совокупность «особей», это слово, скорее всего, попало под влияние других единиц, обозначающих бесов — помощников колдуна и фиксирующихся чаще во множественном числе с финалью -ки: *икотки*, *пистюки*, *человечки*, *чертики* и под.

Вторая единица, которая выступает объектом нашего анализа, — это слово *кулешата*. Приведем пример ее использования: *Ну на осине лист, смотри, он ведь ни ветру, он всё время шумит. Какая тихая погода, а осина всё шумит. Они, колдуны-те, дают на осине лешичий лист считать. [Кому дают?] Кулешатам-ту. Оне работу просят. Кулешам-то, кулешатам. Их кулешатами называли. Он [колдун], говорит, с кулешатами знатся. [Это кто?] А эти, как их опить, ну как же, но, кулеш, нечисты-те, сила (Голубята Добр.).*

Обратившись к материалам СРНГ, мы находим фиксацию этой единицы с аналогичным значением: **Кулешата**. В суеверных представлениях — нечистая сила, находящаяся в подчинении у колдуна. Соликам. Перм., 1898 (СРНГ 16: 60).

Перед нами единица с непрозрачной внутренней формой. Для ее прояснения мы обратились к диалектным словарям и обнаружили в СВГ слова с похожим корнем: **Кулес**. Ряженный в святки. **Кулесёнок**. То же, что кулес. **Кулесить**. Мешать чему-либо, вредить, портить. **Кулеш**. 1. То же, что кулес. 2. Шуба с вывернутым

наружу мехом, которую носили ряженные. 3. Время гаданий зимой, святки (СВГ 1989: 16). СРНГ подает слово **куляжки**. Ряженные (на святках). Верхотур. Перм., 1852. Перм., Даль (СРНГ 16: 77). Вполне возможно, что в данном слове должен быть звук не Ж, а Ш: он находится в слабой фонетической позиции.

Как видим, приведенные единицы называют не злых духов, а людей, которые на святки переодеваются (рядятся) в нечистую силу. Дальнейшее развитие семантики корня в вологодских говорах привело к появлению других, смежных с указанным значений.

Семантический перенос *мифологический персонаж* → *ряженный в святки* типичен для русских, в частности пермских, говоров. В подтверждение этой мысли можно привести следующие примеры. В пермских говорах слова **полудена, полуденка, полудница** называют духа поля, реже — огорода или водного пространства: *Полудена раз в огороде живёт, мне она зелёной представлялась. Мы действительно боялись* (Лобаново Перм.) (СРГЮП 2: 394); *Меня вот стращали всё: «Поди-ко туда, дак тебя полуденка!» Я вот боялася всё, что полуденка меня там какая-то поймат* (Калинино Кунг.) (там же); *Не ходи в огород, там полудница в борозде сидит, мохнатая и с рогами* (Березовка Кунг.) (СПГ 2: 157–158). *После Ильина дня не купаются — полудницы утонят»* (Ос.) (Черных 2007: 95). Эти же единицы называют и ряженого: *Оденут чё-нибудь на себя, лицо закроют и пляшут, да в избу заходят прямо, полудники, полудницы* (Черепаново Черд.); *На Святки обязательно сряжались полудниками. . .* (Нюзим Черд.) (там же).

Аналогичным образом осуществляется семантический перенос названий духов воды, а также нечистой силы, выходящей и гуляющей по земле во время святок **шуликины, шуликуны** на название ряженных. В пермских говорах, по данным А. В. Черных, ряженные могут называться словами **шуликун, шуликин, шуликан, шульган, шулькан, ошуликан, шулик, шулекон, шеликун, шулюкин, шулилькан** (там же: 93–94).

В СРНГ с корнем *-кулес (кулеш)*- фиксируется не только слово *кулешата*, но и другие в значении ‘нечистая сила’:

Кулиши. В суеверных представлениях — маленькие чертенята

разных цветов, появляющихся во множестве на святках. Глазов. Вят., Зеленин (СРНГ 16: 69).

2. **Куляш**. В суеверных представлениях — чертенок или водяной. Волог., Даль. Вят. (там же: 78). Как видно из примеров, география единиц — Русский Север и Приуралье.

Приведенные единицы свидетельствуют о том, что и слова с рассматриваемым корнем, обозначавшие бесов, чертей, тоже давали семантический перенос и могли становиться терминами ряженья. Интересной единицей, на наш взгляд, обеспечивавшей плавность такого перехода, выступает слово *кулиши*, обозначавшее духов, появлявшихся на святки. Изученные материалы дают основание для следующего утверждения: семантический перенос происходит в том случае, если слова называют духов, так или иначе связанных с водной стихией. Именно таковы *полудница*, *шуликан* и *кулес (кулеш, куляш)*.

Теперь, возвратившись к слову *кулешата*, мы можем сказать, что оно, наряду с другими, зафиксированными диалектными словарями, обозначало представителей нечистой силы, имеющих специфические функции. В данном случае обозначает тех духов, которые даются в услужение колдуну и которых он использует для причинения вреда и вызывания болезней.

Интерес вызывает этимология корня рассмотренных единиц. Не углубляясь в детали, мы можем предположить их связь со словом *куль*, которое известно финно-угорским языкам: **Куль**. 1) черт, сатана, дьявол (КПРС 1985: 200). **Куль** II. Бес, черт (КРС 1961: 334). «Имя **Куль** — общее для наименования злого духа у коми и обских угров: . . . в мифах коми о сотворении мира бог Ен как творец хорошей и праведной части мира противостоит своему брату Омолю (или Кулю у коми-пермяков) — создателю всего плохого и злого⁶. «**Куль** — нижний, темный демиург, водяной, после христианизации также черт, дьявол, сатана. Куль в значении «злой дух» этимологи связывают ещё с допермской (прафинно-угорской) эпохой: праф.-

⁶Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с. С. 198.

угор. *ku:г «дух нижнего мира, насылающий болезни»⁷.

Думается, использование русскими заимствованного слова *культ* подчиняется тем же законам, что и слова *черт*: оно (и его производные) может выступать и как название противника Бога-творца, и как общее наименование нечистой силы, и как наименование духов различных локусов (ср. перм.: *Черти, говорят, в речке водятся. Их особенно много там, где мельницы стояли* (Аниковская Черд.) *У моего двоюродного брата в бане черти мылись* (Б. Кусты Куед.). *Черташки в воде казались* (Шульгино Бер.) *А это плели лошаде на гриве, суседко-то. Какой-то дворовой, чертёнок такой* (Ныроб Черд.)), и как наименование духов — помощников колдуна (*Черти в голбце в виде цыплят, во хлеву. Хозяин их кормит* (Городище Сол.). *Она колдун, и мужик колдун был. Она уехала в деревню на рождество. И стали у неё спрашивать, где она чертей держит. Спустились в голбец, а там кадча с пивом. Черти утонут и опять на край кадчи выскакивают* (Губдор Краснов.). *Есть они у нас, колдуны-то, есть. Тут есть одна колдунья. Вот придёшь, там птички-де в голбце летают, как мухи чёрные, эти черти-то, видно* (Бондюг Черд.)).

Проведенное исследование позволило увидеть мотивационные и этимологические связи слов *бусеньки* и *кулешата*, выступающих в пермских говорах обозначениями особой категории нечистой силы — духов — помощников колдуна, с другими единицами, функционирующими в говорах Русского Севера и смежных территорий. Как видно из анализа и примеров, демонологическая лексика представляет актуальный пласт пермского диалектного лексикона и помогает реконструировать значимый элемент мифологических представлений русского крестьянина.

СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

Дранникова — *Мифологические рассказы Архангельской области* / Сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

КПРС — *Коми-пермяцко-русский словарь* / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

⁷ *Конаков Н. Д.* *Культ* // *Мифология коми*. [URL: <http://www.komi.com/foolk/myth/237.htm> (дата обращения: 28.09.2013)].

КРС — Коми-русский словарь / Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 923 с.

Мороз — *Знатки*, ведуны, чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под общей ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. 592 с.

СВГ — Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1989. К-М. — 92 с.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. 702 с.

СПГ — Словарь пермских говоров: в 2 т. Т. 1. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2000. 608 с.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А-В. 364 с.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 т. Пермь, 2010–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2011. Вып. 1–44 (издание продолжается).

Черепанова — *Мифологические* рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

Шумов — *Былички* и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов; Художник С. Ковалев. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 410 с.

СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Бард. — Бардымский

Бер. — Березовский

Добр — Добрянский

Ел. — Еловский

Караг. — Карагайский

Краснов. — Красновишерский

Куед. — Куединский

Кунг. — Кунгурский

Нытв. — Нытвенский

Ос. — Осинский

Перм. — Пермский

Сив. — Сивинский

Сол. — Соликамский

Усол. — Усольский

Черд. — Чердынский